

Когда она снова пришла в себя, стояла глубокая, безмолвная ночь.

Тан Сяожуань моргнула, смутно надеясь, что всё ещё видит сон. В памяти раз за разом прокручивались захватывающие дух картины, и она будто бы до сих пор видела тех двух женщин в древних одеяниях: одна насмешливо улыбалась, другая была холодна и невозмутима — столь противоречивые, но при этом гармоничные образы.

Почему ей постоянно снятся эти двое? И что самое непостижимое — сны эти развиваются, словно сериал, выходящий серия за серией. С каждым разом они становятся всё отчетливее: если поначалу всё было размыто, то теперь она даже начала различать звуки — настоящий качественный скачок.

Ладно, хватит об этом думать. Наверное, её мозговые волны и впрямь отличаются от обычных людей. Попытавшись пошевелиться, она ощутила лишь полную слабость. В скудном свете масляной лампы — стоп, масляной лампы? Почему масляной? Она уставилась на старинный светильник на деревянном столе, который видела только в исторических дорамах, и едва не закипела от ярости. Она живет в двадцать первом веке, а в её спальне нет даже электричества!

— Очнулась?

Голос, до боли знакомый и заставивший сердце испуганно дрогнуть, прозвучал совсем рядом. Тан Сяожуань вскочила с кровати и босиком бросилась к двери. Распахнув её, она увидела именно ту, кого ожидала: Му Цзиньни стояла на пороге, холодная и строгая, а полы её одежды развевались от ветра.

— Му... сестрица Му, я очень голодна. Есть что-нибудь поесть?

Стоило той взглянуть на неё своими чистыми, как обсидиан, глазами, как весь запас ярости Тан Сяожуань испарился без следа. Приходилось признать, что эта холодная женщина невероятно красива. Даже без капли косметики её лицо излучало ледяное очарование и решительность, глаза были необычайно выразительны, а красиво очерченные губы плотно сжаты. Тан Сяожуань засмотрелась на неё, а потом погладила пустой живот. Эх, правду говорят, что красотой сыт не будешь. Как ни смотри, а кушать всё равно хочется.

Му Цзиньни уже привыкла к таким внезапным приступам оцепенения у Тан Сяожуань. Не обращая внимания на её взгляд, она сухо произнесла:

— На кухне остался ужин.

— Отлично! — воскликнула Тан Сяожуань и уже собралась бежать, как вдруг осознала, что она босиком. Она виновато высунула язык, надела обувь и послушно поплелась следом за Му Цзиньни на кухню.

— Сестрица Му, мы что, теперь будем питаться только этим...

Она надеялась, что ужин будет выглядеть получше завтрака, но, добравшись до кухни, увидела на столе всё те же паровые булочки, две тарелки овощей и кастрюлю жидкой рисовой каши. От глубокой печали она даже забыла разозлиться, шмыгнула носом и мысленно пролила горькие слезы.

— Тебе нужно очистить духовную силу, поэтому в ближайшее время никакой животной пищи. Эти булочки приготовлены по особому рецепту, они помогут вывести из организма скверну, — заметив, как девочка шмыгает носом и вот-вот расплачется, Му Цзиньни нахмурилась и добавила: — Не ной.

— Но если месяц питаться одним этим, у меня будет истощение, — Тан Сяожуань надула губы и печально ткнула палочкой в булочку.

— Не будет. Я же сказала, они особенные, в них есть всё необходимое для поддержания сил во время тренировок, — отрезала Му Цзиньни.

— ... — Судя по её тону, это не просто булочки, а персики бессмертия с небес. Тан Сяожуань хотела было возразить, но голод взял своё. Не привередничая, она быстро проглотила большую миску каши и две булочки. Подняв глаза, она увидела, что женщина, холодная, как лед, смотрит прямо на неё. Тан Сяожуань вздрогнула и внезапно покраснела. В тусклом свете масляной лампы лицо Му Цзиньни казалось мягким, ледяная строгость в её взгляде смягчилась, сменившись почти святым сиянием.

Длинные ресницы отбрасывали на лицо тени. Увидев, что Тан Сяожуань закончила, Му Цзиньни молча взяла пустую миску и начала мыть её в раковине. Тан Сяожуань украдкой наблюдала за ней, охваченная сложными чувствами. Сама не зная зачем, она поднялась и подошла к ней со спины:

— Сестрица Му...

Слово застряло в горле. Му Цзиньни резко развернулась. Рука Тан Сяожуань, уже занесенная, чтобы коснуться плеча наставницы, застыла в воздухе, а левая рука Му Цзиньни, всё еще влажная, метнулась вперед и замерла в миллиметре от сонной артерии Тан Сяожуань.

Встретившись с ледяным взглядом, Тан Сяожуань оцепенела и не смогла вымолвить ни слова:

— Я... ты... — Господи, она же просто хотела предложить помощь с мытьем посуды! Что это за смертоносный прием?! Что вообще за человек эта женщина?!

В глазах Му Цзиньни мелькнула холодная искра, но тут же погасла. Гнев сменился чередой других эмоций, и спустя мгновение она опустила руку. Слегка поджав губы, она посмотрела на

Тан Сяожуань с выражением то ли предупреждения, то ли брезгливости:

— Не подходи ко мне так близко.

— Почему ты меня так ненавидишь? — Тан Сяожуань и так была расстроена едой, а тут ещё и получила такой отпор от единственного живого существа в этой глуши. Её самолюбие было задето, обида захлестнула с головой, и страх отступил. — Если я тебе так неприятна, зачем ты согласилась учить меня по просьбе прабабушки? Просто чтобы поиздеваться?

Му Цзиньи удивленно подняла брови, явно не понимая, откуда взялся этот внезапный приступ гнева.

Тан Сяожуань, видя, что та молчит, выпалила всё, что накопело:

— Я тобой очень недовольна!

Но на это искреннее обвинение женщина лишь недоуменно приподняла бровь:

— М?

— Не мкай мне тут! — Тан Сяожуань окончательно взорвалась. — Прабабушка просила тебя обучить меня самообороне и магии, а что ты делаешь? Заставляешь меня скакать по столбам, как обезьяну, и избиваешь до синяков!

— Это тренировка ловкости твоего тела, — ледяным тоном ответила Му Цзиньи, наконец поняв причину недовольства. — Если не можешь вынести даже этого, советую возвращаться домой и не тратить время впустую.

— Не надо меня обманывать! Я была в походах, умею ставить палатки, разводить огонь и лазить по деревьям! — Тан Сяожуань завелась ещё сильнее, выкладывая всё, что умеет. — Я играю на пианино, рисую и умею плавать! И знаешь что? Я не боюсь искать эту гробницу Елан! Хватит смотреть на меня свысока!

— ... — Му Цзиньи, не понимая, какая польза от пианино в поиске гробниц, нахмурилась, глядя на почти истеричную Тан Сяожуань. В её глазах промелькнула тень: — Прежде всего, нужно остаться в живых, чтобы вообще получить шанс разводить костры и ставить палатки.

— Что? — Тан Сяожуань опешила. Разве речь не шла просто о поиске гробницы Елан? Максимум — трудный путь и плохие условия. Когда это успело стать смертельно опасным делом?! Никто ей об этом не говорил!

— Сестрица Му, ты меня пугаешь... — облизнув губы, она пристально посмотрела на Му

Цзинь, надеясь увидеть в её глазах шутку.

Но та лишь холодно взглянула на неё:

— Джунгли, болота, ядовитые насекомые и дикие звери — не говоря уже о ловушках, поджидающих в коридорах гробницы. Поиск гробниц — это не игра. Пути назад нет, а неудача означает смерть. Тан Сяожуань, если ты до сих пор не осознала, что в любой момент можешь погибнуть, уходи с горы. Я тебя не держу.

Это была самая длинная фраза, которую Му Цзинь произнесла с момента их знакомства. И впервые она назвала её по имени — пускай холодно и безжалостно, но отчетливо. Тан Сяожуань почувствовала, как её уверенность тает. Весь гнев был подавлен этими несколькими словами, и она лишь пробормотала:

— Я... я не это имела в виду...

Не это? А что тогда? Тан Сяожуань и сама толком не знала. Она лишь чувствовала, что ввязалась в опасную авантюру, куда её затянули прабабушка, отец и все остальные странные родственники из клана Тан, включая эту красивую, но холодную женщину. Ей хотелось плакать. Слова Му Цзинь ударили в самое больное место — в страх, который она старалась игнорировать. Она пыталась убедить себя, что это просто путешествие по карте, что всё разрешится благополучно и она вернется домой. Судьба выбрала её спасительницей клана Тан, и она должна нести эту ответственность. Но ей всего двадцать лет, и она никогда не задумывалась о подобном.

На самом деле она не была готова. Но сейчас, под холодным натиском Му Цзинь, в ней проснулось упрямство.

— Я не боюсь, — сказала она, собравшись с духом. — Я дойду до конца, найду гробницу Елан и сниму проклятие с нашего рода. Я ничего не боюсь. Сестрица Му... пожалуйста, не смотри на меня свысока.

Му Цзинь молчала, глядя на неё своими черными, как обсидиан, глазами. Тан Сяожуань занервничала, не зная, что не так с её лицом, и невольно провела рукой по щекам.

Наконец Му Цзинь заговорила:

— Иди умойся и отдохни. Завтра начинаем официальные тренировки.

Она опустила глаза, и по её лицу невозможно было прочесть, что она чувствует.

— ... — Тан Сяожуань только что высказала свои амбиции, и фраза о начале официальных тренировок повергла её в ужас. Оказывается, сегодня было ещё не по-настоящему... Господи,

доживет ли она до дня, когда нужно будет искать гробницу Елан?

Про себя ворча, вслух она не посмела произнести ни слова. Кивнув, она посмотрела в окно:

— Сестрица Му, сегодня луны совсем не видно.

Му Цзиньи вздрогнула, удивленно глядя, как Тан Сяожуань направляется к выходу. Что-то в душе шевельнулось, и она вдруг произнесла:

— Тебе не стоит так сильно волноваться.

Тан Сяожуань остановилась:

— Сестрица Му?

Му Цзиньи тихо добавила:

— В любом случае, я буду тебя защищать.

Сердце Тан Сяожуань дрогнуло:

— Сестрица Му!

Она знала, что Му Цзиньи наняли именно для того, чтобы тренировать и оберегать её, но, услышав эти слова лично, она не смогла сдержать радости. Даже завтрашние тренировки показались уже не такими пугающими. Чем строже Му Цзиньи, тем больше она заботится о её безопасности, верно? Если посмотреть с другой стороны, иногда даже такая жесткость — это форма защиты.

<http://bllate.org/book/19154/1880942>